

УДК 94(47).084.3:321.74

И.В.Самойлова**КУЛАК ИЛИ «ЗАЖИТОЧНЫЙ МУЖИК»? КРЕСТЬЯНСТВО В ЯЗЫКЕ ПРОПАГАНДЫ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» К НЭПУ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)***Европейский университет, Санкт-Петербург*

The article reveals the transformation of the system of ideological influence on the peasants under the transition to NEP conditions. The influence language changes, the modification of the stable ideological statements in the publications and in the process of the going through the agitational bodies hierarchy from the Central Committee to the district agitator are considered. A subject of the using clichés by the peasants is also broached.

Одной из актуальнейших проблем современной историографии является вопрос о формировании советской политической системы в 1920-х гг. Зарубежные исследователи в рамках изучения истории СССР уделяли внимание лингвистической самоидентификации внутри класса, осуществлявшейся по определенным правилам [1], усвоение и употребление которых было показателем успеха развития «обратной связи» между населением и властными структурами. Изучение локально и социально ограниченных подборок источников позволяет проследить закономерности влияния местных особенностей на язык пропаганды.

Анализ агитационных материалов: листовок, циркуляров агитационно-пропагандистских партийных органов и методических материалов позволяет проследить динамику понятия «крестьянство» в офи-

циальной пропаганде и скорость принятия новых постулатов местными агитаторами в период перехода к нэпу. Ретроспективно выявить особенности использования устойчивых идеологических выражений позволяют агитационные материалы, посвященные среднему крестьянству и пропаганде решений VIII съезда РКП(б), изданные в 1919 г. Такова листовка «Большевики-коммунисты о крестьянах», выпущенная Боровичским уездным комитетом партии и представляющая собой компиляцию выступлений Ленина на съезде и резолюции съезда. В преамбуле данного документа прослеживается группа устойчивых идеологических выражений, относящихся к беднейшему крестьянству: «беднота городов и деревни», «рабочие города и трудящаяся беднота», отражающих представление власти о бедноте как о группе, более близкой к рабочим, нежели к крестьянам. Антитеза «тру-

дющаяся беднота» и «кулаки» усиливает разрыв. Отсутствие единства среди крестьян подчеркивается призывом в резолюции к «соглашению пролетариата (в том числе и деревенского. — И.С.) со средним крестьянством», в этом и состояло значение решений съезда. Сельское население в период «военного коммунизма» оставалось строго разделенным на пролетариат, средних крестьян и кулаков.

С переходом к нэпу в листовках чаще стало встречаться обозначение «крестьяне», затушевывались различия между социальными группами в деревне. Анализа употребления этого термина целесообразно провести, сравнив документы, изданные центральными, губернскими и уездными органами власти.

Заголовок воззвания ВЦИК к крестьянству РСФСР [2] исключает дробление данной социальной группы. Из четырнадцати случаев употребления в документе слова «крестьянство» только в одном есть уточнение «трудовое», «беднейшему населению деревни» внимание уделено единожды. Кулаки исключены из контекста. Крестьяне и рабочие уравниваются синтаксически применением соединительного союза («рабочие и крестьяне»), власть именуется рабоче-крестьянской, упоминается «союз рабочих и крестьян». Им противостоят общие враги, «царские генералы и помещики с русскими и иностранными капиталистами».

Те же тенденции наличествуют и в текстах губернских пропагандистских материалов. В обращении Новгородского губернского политкопросветительского комитета «Товарищи крестьяне!» [3] рабочие и крестьяне также объединены («рабоче-крестьянская власть», «закабалить в рабство рабочих и крестьян», «единение рабочих и крестьян»). Противопоставление социальных групп показано через разделение их обязанностей (крестьяне кормят рабочих, рабочие одевают крестьян). Отношение власти к «деревенской буржуазии» в данном тексте не определено. В губернской листовке более колоритно, нежели в центральной, представлен образ дореволюционной власти: «наследие проклятого царского режима в виде разрухи и общей нищеты». В документе упоминаются «помещичьи банды», что является отражением местных событий в Демянском и Старорусском уездах летом 1920 г. Текст документа не обнаруживает принципиальных расхождений с центральными изданиями.

Уездные воззвания содержат иные акценты, что объясняется запаздыванием новых веяний в провинции. В конце лета 1921 г. Красная армия «отбивает всех врагов и отстаивает независимость нашей Республики» [4]. Описание врагов в листовке отсутствует, игнорируется классовая борьба в деревне. Рабочие упомянуты лишь вскользь («также необходимо накормить и рабочих»). Клише «рабочие и крестьяне» не употребляется совсем. Крестьяне в уездной листовке выступают как единая социальная группа, четко не локализованная в структуре строящегося общества, что объясняется конкретностью содержания листовки о выполнении налога.

К 1923 г. устойчивое выражение «рабочие и крестьяне», а также «рабоче-крестьянские массы» закрепилось применительно к настоящему и будущему. Революционное прошлое страны описывалось в терминах «пролетарские массы, революционные солдаты и матросы», а также «беднейшее крестьянство». Ряды врагов определяются как «помещики и буржуазия», «буржуазная свора» [5].

Циркуляр Новгородского губкома РКП(б) от 13 октября 1921 г. [6] позволяет проследить особенности принятия агитаторами новых тезисов в процессе «пересмотра нашего подхода к крестьянству в связи с новой экономической политикой». Предлагая «установить современную психологию крестьянина», авторы циркуляра настаивают на классификации сельских жителей «обязательно по трем градациям»: «бедняка, середняка, хозяйственного мужика». «Хозяйственный мужик» здесь — модифицированное «политкорректное» наименование кулака. Это подтверждает и секретное приложение к данному циркуляру: «Если в настоящий момент мы... не изменим своего подхода к крестьянству, кулак сможет соорганизоваться и возьмет под свое влияние... сравнительно инертную... крестьянскую массу» [7]. Независимо от отношения, декларированного в листовках, местная власть не меняла своих взглядов на крестьянство.

О выступлениях пропагандистов в деревнях, докладах, представленных сельской аудитории, можно узнать из резолюций протоколов партийных собраний и беспартийных крестьянских конференций, составленных самими агитаторами. Тексты нескольких постановлений, принятых в Рютинской и Дубровской волостях Валдайского уезда [8], где в качестве докладчика выступал агитатор В.Патренин, почти полностью идентичны. Самопредставление крестьян в данных резолюциях определяется вводным «Мы, бедняки... волости», что противоречит данным о социальном составе конференции; делегаты резолюцию не изменили, понимая выгоды положения бедняка. Практически идентичные обороты «новое экономическое государство социализма» в одном и «новые экономические пути в царство социализма» в другом постановлении позволяют оценить политическую малообразованность агитатора, явно не понимавшего суть излагаемой проблемы.

Агитаторы выступали с докладами и внутри своих организаций, вызывая двойственное отношение к сельскому населению. В сообщении о Ленине 20 апреля 1924 г. на общем собрании Молвотицкой волостной ячейки [9] ответственный секретарь Алексеев указывал, что вождь «объединял интересы рабочих и крестьян». На закрытом партийном собрании Молвотицкого волкома 18 октября 1924 г. о привлечении новых членов партии предлагалось основное внимание уделять агитации среди «демобилизованных красноармейцев, бедняцких и середняцких элементов, а в особенности, батрачества» [10], иными словами, «трудового крестьянства», термины «пролетарские массы» и «крестьянские массы» здесь не являются синонимами, как и в других случаях, касав-

шихся непосредственно внутренних интересов партии.

Самих крестьян вопрос о принадлежности к той или иной социальной группе также волновал. В публикациях писем с мест в прессе большое внимание уделяется обличению внутренних врагов сельских жителей: кулака, попа, торговца, самогонщика, понятие «буржуазия» не употребляется ни беспартийными, ни партийными крестьянами. Два сообщения волостного корреспондента («волкора») Павлова в газету «Звезда» 1924 г. [11] изобилуют идеологическими клише, маркирующими напряженность в отношениях между разными прослойками в Вельёвской волости. «Кулаками, кутейническими сынками и их прихвостнями», «хулиганами», «дьяковскими сынками» обижены «семьи красноармейцев и беднота». О союзе бедняков и середняков автор письма в 1924 г. не подозревает, зато имеет представление о близости социального положения бедняков и красноармейцев. Руководители сельского комитета взаимопомощи определены как «известные пролазы, не уступающие друг другу в шарлатанстве», они не крестьяне, а «типы». Председатель сельсовета — «хулиган, продавший пролетарский образ кулачеству». Это сообщение позволяет выявить клише, преподносившиеся крестьянам автором письма, членом партии, целью которого было обличение врагов и закрепление в сознании читателей газеты постулатов господствующей идеологии.

Беспартийные крестьяне в письмах в газеты использовали соответствующую терминологию для «сигнала» властям о нарушении принципа справедливости, установленного в агитационных материалах. В заметке селькора в газете «Звезда» в 1925 г. «Убрать от крестьян мироеда» [12] главным действующим лицом является «толстопузый кулак», которому землеустроительная комиссия «покошу дала больше, чем бедняку и середняку». Автор заметки знает, что бедняк и середняк должны иметь больше прав, что является ярким примером использования идеологических понятий.

В начале нэпа официальная пропаганда предлагала крестьянам новый вариант видения социальной структуры общества. Границы между рабочими и

крестьянами сглаживались так же, как и «классовая борьба» в самой деревне. Во внутрипартийных текстах встречается отход от такой позиции в сторону поддержки бедняков и другого «пролетариата», середняки оказываются вне рамок идеологических оценок. Это указывает на неспособность к быстрой трансформации системы идеологического воздействия. При решении фискальных и хозяйственных вопросов в высказываниях жителей преобладали уравнилительные тенденции, представления о едином крестьянстве. В личных письмах употреблялись весьма идеологизированные выражения, указывающие на «несправедливость» и несоответствие действий власти тому ее образу, который был создан пропагандой.

1. Фицпатрик Ш. Приписывание к классу как система социальной идентификации // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С.54-86. Коткин С. Говорить по-большевистски // Там же. С.117-148.
2. Воззвание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к крестьянству Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1921. Др. издания см.: Сводный каталог листовок первых лет советской власти. СПб., 1995. С.59-62, 63-65.
3. Новгородский губернский политико-просветительский комитет. Товарищи крестьяне! «Рабоче-крестьянское правительство ожидает от вас быстрого и аккуратного выполнения продналога». Новгород, 1921.
4. Крестецкий уездный исполнительный комитет Советов. К крестьянам Крестецкого уезда. (Обращение). Крестцы, 1921.
5. Новгородский Губком РКП(б). Новгородский Губисполком. Новгородский Губернский Совет профессиональных союзов. Воззвание. Ко всем рабочим и крестьянам! Новгород, 1923.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф.1. Оп.1. Д.728. Л.18, 18 об.
7. Там же. Л.25.
8. Выписки из протоколов волостных беспартийных крестьянских конференций Валдайского уезда, посланные в агитпропотдел Новгородского губкома по запросу // ГАНИНО. Ф.1. Оп.1. Д.1270. Л.2-4.
9. ГАНИНО. Ф.4187. Оп.1. Д.37. Л.7.
10. Там же. Л.12.
11. ГАНИНО. Ф.91. Оп.1. Д.365. Л.35-36.
12. Государственный исторический архив Новгородской области. Ф.Р-354. Оп.1 Д.65. Л.65.